

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Дикое счастье

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Дикое счастье: Роман / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 314 с.

ISBN 978-5-519-95211-8

ISBN 978-5-519-95211-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нѣсколько разъ начиналъ сердито отплевываться, приговаривая: „А-ахъ боже, мой... помилуй насъ грѣшныхъ! Въдѣ всего одинъ пятачокъ. Поправился бы и шабашъ. Ни-ни... Просилъ давѣ у старухи червячка заморить—въ шею выгнала... Ньюша дала бы, да у самой денегъ нѣтъ. Эхъ, жисть!..“ Въ душѣ Зотушки родилась слабая надежда, что авось, если выводить лошадь, ему вышлютъ стаканчикъ. А славный стаканчикъ есть у старухи, еще дѣдовскій, граненый съ плоскимъ донышкомъ. Не чета нынѣшнимъ, изъ которыхъ щенка не напоишь! А дождь продолжалъ частить, мѣрно осыпая желѣзную крышу дробившимися каплями; съ потока глухо бѣжала вода, хлопая въ старой деревянной кадочкѣ. Осенній темный вечеръ наступилъ незамѣтно и затянулъ все кругомъ безпросвѣтной мглой,—уголъ навѣса, подъ которымъ стояли полѣнницы дровъ, амбары, конюшни, флигелекъ, гдѣ у старухи Татьяны Власьевны былъ устроенъ пріютъ для старухъ, и гдѣ въ отдѣльной каморкѣ ютился Зотушка. Изъ мрака выдѣлялся темной глыбой только большой старинный домъ, глядѣвшій на дворъ своими небольшими освѣщенными окнами. Зотушка могъ видѣть въ окна, что чай уже отпили, когда въ комнату вошелъ Михалко, потому что старуха ушла на свою половину. „Самъ“, т. е. Гордѣй Евстратычъ, сидѣлъ еще за столомъ, слушая болтовню черноволосой Ньюши, которая вертѣлась около него мелкимъ бѣсомъ. Старшая невѣстка Ариша, жена Михалки, сосредоточенно перемывала чайную посуду, взмахивая концомъ полотенца; сегодня ея очередь чаемъ всѣхъ поить.

— Нѣтъ, видно не вышлютъ...—рѣшилъ Зотушка, когда Михалко не торопясь, выпилъ два стакана чаю и поднялся изъ-за стола.—Вотъ тебѣ и утка съ квасомъ!..

Противъ окна теперь стоялъ Гордѣй Евстратычъ, хозяинъ дома, и братъ Зотушки; онъ степенно разглаживалъ свою окладистую бороду, красиво исчерченную выступавшей сѣдиной. Михалко, видимо, отсчитывался ему въ своей поѣздкѣ, откладывая что-то на пальцахъ. Въ тактъ цифрамъ онъ встряхивалъ

своими подстриженными въ скобу волосами, а потомъ добылъ изъ кармана пиджака потертый бумажникъ и вынулъ изъ него пачку засаленныхъ кредитокъ. „Рублей тридцать будетъ“, подумалъ Зотушка про себя и еще разъ усумнился: вынесутъ ему стаканчикъ или нѣтъ. Въѣдь если по человѣчеству-то разобрать, такъ онъ ужъ столько времени вываживаетъ лошадь, а на дворѣ вонъ какая непогода: всего промочило до нитки.

На этотъ разъ Зотушка не дождался стаканчика и, выведивъ лошадь, привязалъ ее къ столбу выстаиваться, а самъ ушелъ въ свою конуру, гдѣ сейчасъ же и завалился спать.

Къ ужину въ небольшой проходной комнатѣ, выходившей окнами на дворъ, собралась вся семья: Татьяна Власьевна, Гордѣй Евстратычъ, старшій сынъ Михалко съ женой Аришей, второй сынъ Архипъ съ женой Дуней и черноволосая бойкая Нюша. Гордѣй Евстратычъ былъ вдовецъ и весь домъ вела его мать, Татьяна Власьевна, высокая, ширококостная старуха раскольничьяго склада; она строго блюла за порядкомъ въ домѣ, и снохи ходили у ней по стрункѣ. Издали эта крѣпкая купеческая семья могла умилить самага завятаго поклонника патріархальныхъ нравовъ, особенно, когда всѣ члены ея собирались за столомъ. Обѣды и ужины проходили въ торжественномъ молчаніи, точно совершалось таинство. Разговаривать могли только „самъ“ и „сама“, а молодые должны были только отвѣчать на вопросы. Впрочемъ для Нюши и старшей невѣстки Ариши дѣлалось исключеніе, и онѣ могли иногда вернуть свое словечко, хотя „сама“, и подбирала строго каждый разъ свои сухія, безцвѣтныя губы. Сегодняшній ужинъ походилъ на всѣ другія. Мужчины въ однихъ ситцевыхъ рубашкахъ занимали одну половину длиннаго стола, женщины другую. Татьяна Власьевна была одѣта въ свой неизмѣнный косоклиный кубовый кафтанъ съ желтыми проймами и въ бѣлую холщевую рубаху; темный старушечій платокъ съ бѣлыми горошинами былъ повязанъ на головѣ кикой, какъ носятъ старухи-кержанки. Невѣстки и Нюша въ ситцевыхъ сарафанахъ, такихъ же рубахахъ и пе-

редникахъ, были одѣты какъ сестры; строгая Татьяна Власьева не хотѣла никого обижать, показывая костюмомъ, что для нея всѣ равны. Только бабьи повязки невѣстокъ выдѣляли ихъ положеніе въ семьѣ; непокрытая голова Нюши съ черной длинной косой говорила о ея непокрытой дѣвичьей вольной волюшкѣ.

Обѣденный столъ былъ накрытъ синей пестрядевой скатертью; всѣ ѣли изъ одной чашки деревянными ложками. День былъ постный, и стряпка Маланья, кривая старая дѣвка въ кубовомъ синемъ сарафанѣ, подала на столъ только постныя щи съ поземиной да гречневую кашу съ коноплянымъ масломъ. Больше ничего не полагалось, а Татьяна Власьева для постаго дня даже къ поземинѣ не прикоснулась, потому что это все-таки рыба, хотя и сушеная. Маланья была свой человѣкъ въ домѣ, потому что жила въ немъ четвертый десятокъ; такая прислуга встрѣчается въ хорошихъ раскольничьихъ семьяхъ, гдѣ вообще къ прислугѣ относятся особенно гуманно, хотя по внѣшнему виду и строго.

Сегодня Гордѣй Евстратычъ былъ особенно въ духѣ, потому что Михалко привезъ ему изъ Полдневской одинъ старый долгъ, который онъ уже считалъ пропавшимъ. Нѣсколько разъ онъ начиналъ подшучивать надъ младшей невѣсткой Дуней, которая всего еще полгода была замужемъ; красивая, свѣжая, съ русымъ волосомъ и лѣнивыми карими глазами, она только рдѣла и стыдливо опускала лицо. Красавецъ Архипъ, мужъ Дуни, любовался этимъ смущеніемъ своей молодайки и, встряхивая своими черными подстриженными во скобу волосами, смѣялся довольной улыбкой.

— Будетъ вамъ ласы-то точить, — строго замѣтила Татьяна Власьева, останавливая эту сцену. — Вѣдь за столомъ сидимъ, Гордѣй Евстратычъ. Тебѣ бы другихъ удержать отъ лишняго слова, а ты самъ первый затѣйщикъ...

— Ну, не буду, мамынька, — оправдывался Гордѣй Евстратычъ, разглаживая свою бороду. — Пошутить и кончено...

— Ужъ бабушка всегда у насъ такая... — прибавила Нюша.

— Какая такая?—сердито заговорила Татьяна Власьевна.— Ну, говори, верченая?..

— Да такая... слова сказать нельзя.

— Охъ, ты-ты—не витое сѣно!.. У тебя и на умѣ-то все одни хи-хи, да смѣхи. Погоди вотъ.

Татьяна Власьевна не досказала конца фразы, хотя всѣ хорошо поняли, что она хотѣла сказать: „Погоди вотъ выдешь замужъ-то, такъ не до смѣху будетъ... Востра больно!“ Это была стереотипная угроза, которая слишкомъ часто повторялась, чтобы испугать бойкую и неугомонную Нюшу. На ворчанье бабушки у нея былъ отличный отвѣтъ, который она, къ сожалѣнію, могла говорить только про себя: „Нашла чѣмъ пугать.. У меня женихъ давно приготовленъ, только дорогу перейти—тутъ и женихъ. А зовутъ его Алешкой Пазухинымъ!..“ Невѣстки хотя и дружили съ Нюшей, особенно Ариша, но внутренно были противъ нея, потому что Нюша все-таки была „отецкая“, баловная дочка, и Татьяна Васильевна ворчала на нее только для видимости. Существованіе Алешки Пазухина не было тайной ни для кого въ семьѣ, хотя объ этомъ никто не говорилъ ни слова: парень былъ подходящий, хорошей „природы“, какъ говорила про себя степенная Татьяна Власьевна.

Послѣ ужина всѣ, по старинному прадѣдовскому обычаю, прощались съ бабушкой, т. е. кланялись ей въ землю, приговаривая: „Прости и благослови, бабушка...“ Степенная, важеватая старуха отвѣчала пояснымъ поклономъ и приговаривала: „Господь тебя простить, милушка“. Гордѣю Евстратычу полагались такіе же поклоны отъ дѣтей, а самъ онъ кланялся въ землю своей мамынькѣ. Въ старинныхъ раскольничьихъ семьяхъ еще не вывелся этотъ обычай заимствованный изъ скитскихъ „метаній“.

Когда всѣ начали расходиться по своимъ угламъ, молчавшій до послѣдней минуты, Михалко проговорилъ:

— А у меня, тятинька, до тебя дѣльце есть небольшое...

Онъ замаялся и почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Пойдемъ ко мнѣ въ горницу, — проговорилъ Гордѣй Евстратычъ, удивленный „дѣльцемъ“ Михалки.

Домъ, хотя былъ и одноэтажный, но дѣлился на много комнатъ: въ двухъ жила Татьяна Власьева съ Нюшей; Михалко съ женой и Архипъ съ Дуней спали въ темныхъ чуланчикахъ; самъ Гордѣй Евстратычъ занималъ узкую угловую комнату въ одно окно, гдѣ у него стояла двуспальная кровать краснаго дерева, березовый шкафъ и конторка съ бумагами. Лучшія комнаты, какъ во всѣхъ купеческихъ домахъ, стояли совсѣмъ пустыми, потому что служили парадными пріемными при разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Вся семья жалась по крошечнымъ клѣтушкамъ цѣлый годъ, чтобы два или три раза въ годъ принять гостей по настоящему, какъ принимали всѣ другіе. Эти „другіе“, „какъ у другихъ“—являлось желѣзнымъ закономъ.

— Ну, что, Миша?.. — спрашивалъ Гордѣй Евстратычъ, притворяя за собой дверь.

— Да вотъ тятинька... я тебѣ привезъ гостинецъ отъ старателя Маркушки, — неторопливо проговорилъ Михалко, добывая изъ кармана штановъ что-то завернутое въ смятую сѣрую бумагу.

— Это изъ Полдневской?

— Да. Отъ Маркушки... Онъ сильно скудается здоровьемъ-то. Вотъ, говоритъ, увидишь отца, отдай ему, пусть поглядитъ, а ежели, говоритъ ему поглянется — пусть пріѣзжаетъ въ Полдневскую, пока я не умеръ. У Маркушки водянка, сказываютъ. Весь распухъ, точно восковой.

Гордѣй Евстратычъ осторожно развернулъ бумагу и вынулъ изъ нея угловатый кусокъ бѣлаго кварца съ желтыми прожилками. Въ его трещинахъ и ноздринкахъ блестѣло желтоватыми искорками вкрапленное въ камень золото. Въ одномъ мѣстѣ изъ бѣлой массы вылѣзали два золотыхъ усика, въ другомъ нѣсколько широкихъ блестокъ были точно приклеены къ гладкому камню. Повертывая кусокъ кварца передъ лампой, Гордѣй Евстратычъ разсмотрѣлъ въ одномъ

углублении, гдѣ желтѣла засохшая глина, цѣлый самородокъ, походившій на небольшой бобъ; одинъ край самородка былъ точно обгрызенъ. Да, это было золото, настоящее, червонное золото. Одинъ самородокъ вѣсилъ не меньше ползолотника... Гордѣй Евстратычъ не могъ оторвать глазъ отъ завѣтнаго камешка, который точно приковалъ его къ себѣ.

— Жилка.. — въ раздумьѣ проговорилъ Гордѣй Евстратычъ, чувствуя, какъ у него на лбу выступилъ холодный потъ.—Видишь, Миша?

Михалко хотѣлъ взять въ руки кусокъ кварца, но Гордѣй Евстратычъ отстранилъ его и опять внимательно принялся разсматривать его передъ огнемъ. Но теперь онъ уже любовался кускомъ золотоносной руды, забывъ совсѣмъ о Михалкѣ, который выглядывалъ изъ-за его плеча.

— Такъ Маркушка-то зачѣмъ послалъ съ собой жилку-то — спрашивалъ Гордѣй Евстратычъ, приходя въ себя. — За долгъ?

— Нѣтъ, про долгъ онъ ничего не говорилъ, а только наказывалъ, чтобы ты пріѣхалъ въ Полдневскую. „Надо, говоритъ, мнѣ съ Гордѣемъ Евстратычемъ переговорить“... Крѣпко наказывалъ.

— А про жилку-то, что, онъ тебѣ говорилъ или нѣтъ?

— Только всего и сказалъ: „Покажи, говоритъ, тятинькѣ скварецъ, ежели поглянется, пусть пріѣзжаетъ скорѣе“... А когда сталъ жилку въ бумагу завертывать, прибавилъ еще: „Охъ, хороша штука!“

— Такъ онъ, Маркушка-то, сильно, говоришь боленъ? — спрашивалъ Гордѣй Евстратычъ, соображая совсѣмъ о другомъ.

— Да, совсѣмъ въ худыхъ душахъ¹⁾... Того гляди душу Богу отдастъ. Кашель его одолѣлъ. Старухи пользуютъ чѣмъ-то, да только легче все нѣтъ.

Гордѣй Евстратычъ не слышалъ послѣднихъ словъ, а,

¹⁾ Т. е. при смерти.

схватившись за голову, что-то обдумывалъ про себя. Чтобы не выдать овладѣвшаго имъ волненія, онъ сухо проговорилъ, завертывая кварцъ въ бумагу:

— Всё это вздоръ, Миша... Ступай, спи съ Богомъ. Маркушка не насъ первыхъ съ тобой обманываетъ на своемъ вѣку.

II.

Къ девяти часамъ вечера всѣ въ домѣ были на своихъ мѣстахъ, потому что утромъ нужно рано вставать. Татьяна Власьевна всѣхъ поднимаетъ на ноги чѣмъ-свѣтъ, и только одной Аришѣ позволяла понѣжиться въ своей коморкѣ лишній часокъ, потому что Ариша ночью водится съ своимъ двухмѣсячнымъ Степушкой.

Двѣ комнаты, въ которыхъ жила Татьяна Власьевна, напоминали скорѣе монастырскую келью. Низкіе потолки, оклеенные дешевыми обоями; стѣны, выкрашенныя синей краской; дверные косяки и широкія лавки около стѣнъ; большой иконостасъ въ углу съ неугасимой лампадой; нѣсколько окованныхъ мороженымъ желѣзомъ сундуковъ, сложенныхъ по угламъ въ пирамиду — вотъ и все. На полу были постланы чистые половики, тканые изъ пестрой ветошки, на окнахъ бѣлѣли кисейныя занавѣски; около кровати, гдѣ спала Нюша, красовался старинный туалетъ съ вычурной рѣзбой. Въ этихъ двухъ комнатахъ всегда пахло роснымъ ладаномъ, горѣлымъ деревяннымъ масломъ, геранью, желтыми восковыми свѣчами, которыя хранились въ длинномъ деревянномъ ящикѣ подъ иконостасомъ, и тѣмъ специфическимъ, благочестивымъ по преимуществу запахомъ, какимъ всегда пахнетъ отъ старыхъ церковныхъ книгъ въ кожаныхъ переплетахъ, съ мѣдными застѣжками и съ закапанными воскомъ, точно вылощенными страницами. До старинныхъ книгъ Татьяна Власьевна была великая охотница, хотя и считалась давно уже единовѣркой; она никогда не

упускала случая приобрести такую книгу, чтобы иметь возможность почитать ее наединѣ. Изъ этихъ книгъ составила у ней маленькая библіотека, которая и хранилась въ особомъ шкафикѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ рядомъ съ иконостасомъ. Къ старинѣ Татьяна Власьева питала почти болѣзненную слабость, все равно, въ какихъ бы формахъ ни проявлялась эта старина: она хранила, какъ зѣницу ока, всѣ сарафаны, полученные ею въ приданое, старинные мѣха, шубы, крытыя излежавшейся матеріей, даже изъѣденные молью лоскутки и разное тряпье.

Послѣ ужина Татьяна Власьева молилась безконечной старинной молитвой съ лѣстовкой въ рукахъ. Поклоны откладывались по уставу, какъ выучили Татьяну Власьевну съ дѣтства раскольниковъ „исправницы“. Засыпая въ своей кровати крѣпкимъ молодымъ сномъ, Нюша каждый вечеръ наблюдала одну и ту же картину: въ переднемъ углу, накрывшись большимъ темнымъ шелковымъ платкомъ, пущеннымъ на спину въ два конца, какъ носятъ всѣ кержанки, бабушка молится цѣлые часы напролетъ; откладываются широкіе кресты, а по лѣстовкѣ отсчитываются большіе и малые поклоны. Глядя на высохшее желтое лицо бабушки, съ строгими сѣрыми глазами и прямымъ носомъ, Нюша часто думала о томъ, зачѣмъ бабушка такъ долго молится? Неужели у ней ужъ такъ много грѣховъ, что и замолить нельзя? Дѣвушка иногда сердилась на упрямую старуху, особенно, когда та принималась ворчать на нее, но когда бабушка вставала на молитву—это была совсѣмъ другая женщина, въ родѣ тѣхъ подвижницъ, какія глядятъ строгими-строгими глазами съ иконъ стариннаго письма. Конца бабушкиной молитвы Нюша не могла никогда дождаться и засыпала сладкимъ сномъ подъ мѣрный шопотъ безконечныхъ кануновъ. На этотъ разъ дѣвушка особенно долго болтала, мѣшая старухѣ молиться.

— А ты, баушка, на меня не сердись? — спрашивала Нюша въ просонь.

— Отстань,—съ фальшивой строгостью отвѣчала бабушка, путаясь въ счетѣ поклоновъ.

— Въ то воскресенье мы къ Пятовымъ пойдемъ, баушка... Пойдемъ? Оѣнѣ новое платье сшили, называется бордо, то-есть эта краска называется, баушка бордо, а не матерія и не мода. Понимаешь?

— Отстань!..

— Оѣня такая счастливая... — съ подавленнымъ вздохомъ проговорила Нюша, ворочаясь подъ ситцевымъ стеганнымъ одѣяломъ.—У ней столько однихъ шелковыхъ платьевъ, и все по модному... Только у насъ у однихъ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ и остались сарафаны. Ходимъ, какъ чучелы гороховыя.

— Ты у меня помели еще, безголовая! О, Господи, согрѣшила я, грѣшная, съ этой дѣвкой... Охъ, ужъ повѣсятъ тебя на томъ свѣтѣ прямо за языкъ!

Молчаніе. Опять поклоны. Неугасимая лампада горитъ неровнымъ пламенемъ, разливая кругомъ колеблющійся невѣрный свѣтъ. Желтыя полосы свѣта бродятъ по выбѣленному потолку, на мгновеніе выхватываютъ изъ темноты уголь старинной печи и, скользнувъ по полу, исчезаютъ. Нюша долго наблюдаетъ эту игру свѣта, глаза у ней слипаются, начинаетъ клонить ко сну, но она еще борется съ нимъ, чтобы чуточку подразнить строгую бабушку.

— Баушка, Вуколъ-то Логинычъ, сказывалъ даве Архипъ, зонтикъ себѣ въ городѣ купилъ,—начинаетъ Нюша, сладко позѣвывая.—А знаешь, сколько онъ за него заплатилъ?

— Отстань...

— Шелковый зонтикъ-то, баушка! А ручка точеная изъ слоновой кости. Только Архипъ сказываетъ, что выточена такая фигура, что дѣвушкамъ и смотрѣть совѣстно.

— Тьфу!.. тьфу!.. отплевывалась старуха.—Провались ты съ своимъ Вуколомъ Логинычемъ... Нашла важное кушанье!.. Срамникъ онъ, Вуколъ-то Логинычъ... Тьфу!

— Баушка, да вѣдь онъ за зонтикъ-то заплатилъ семьдесять цѣлковыхъ... Ей-Богу! Хоть сама спроси у Архипа:

— Какъ семьдесятъ?

— Право, баушка: семьдесятъ цѣлковыхъ за одинъ зонтикъ...

— Охъ, дуракъ, дуракъ этотъ Вуколъ... Никого у нихъ въ природѣ-то такихъ дураковъ не было. Въдѣ Шабалины-то по нашимъ мѣстамъ завсегда въ первыхъ были, особливо дѣдушка-то, Логинъ. Богатые были, а чтобы такихъ глупостевъ... семьдесятъ цѣлковыхъ! Это на ассигнаціи-то считать, такъ чуть не триста рублевиковъ... Охъ-хо-хо!.. Ужъ правду сказать, что дикая-то копѣчка не улежить на мѣстѣ.

Взволнованная семидесяти-рублевымъ зонтикомъ, Татьяна Власьевна позабыла свои кануны и принялась рассказывать поучительныя исторіи о Шабалиныхъ, Пятовыхъ, Колобовыхъ, Савиныхъ и Пазухиныхъ. Вонъ какой народъ-то, всѣ какъ на подборъ! Такихъ съ огнемъ поискать и не въ Бѣлоглинскомъ заводѣ. Крѣпкій народъ, по всему Уралу знаютъ бѣлоглинскихъ-то. Даже изъ Москвы выѣзжаютъ за нашими невѣстами. Вотъ оно что значить природа-то... Теперь взять хоть Настю Шабалину— вышла за саропульского купца; Груня Пятова въ Москву вышла; у Савиныхъ дочь была замужемъ за рыбинскимъ купцомъ да умерла, сердечная, третій годокъ пойдетъ съ зимняго Николы. А Вуколъ Логинычъ што? Онъ только свою природу срамитъ... Семьдесятъ рублей зонтикъ! Да и другіе-то, глядя на него, особливо, которые помоложе— пошаливаютъ. Вонъ у Пятовыхъ сынокъ-то въ Ирбитской что настряпалъ! Легкое мѣсто [сказать.. А всему заводчикъ Вуколъ, чтобы ему ни дна, ни покрышки. Въ допрежнія времена такихъ дураковъ и не бывало. Такъ, дурачили про между себя, только чтобы зонтиковъ покупать въ семьдесятъ цѣлковыхъ—нѣтъ, этого не бывало.

Послѣднія фразы Татьяна Власьевна говорила въ безвоздушное пространство, потому что Нюша, довольная своей выходкой съ зонтикомъ, уже спала крѣпкимъ сномъ. Ея красивая черноволосая головка, улыбавшаяся даже во снѣ,